

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2024 – 2025 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Аркадий Аверченко

(1881 – 1925)

Блины Доди

Без сомнения, у Доди было своё настоящее имя, но оно как-то стёрлось, затерялось, и хотя этому парню уже шестой год — он для всех Додя и больше ничего.

И будет так расти этот мужчина с загадочной кличкой «Додя», будет расти, пока не пронюхает какая-нибудь проворная гимназисточка в чёрном передничке, что пятнадцатилетнего Додю на самом деле зовут иначе, что неприлично ей звать взрослого кавалера какой-то собачьей кличкой, и впервые скажет она замирающим от волнения голосом:

— Ах, зачем вы мне такое говорите, Дмитрий Михайлович?

И сладко забьётся тогда сердце Доди, будто впервые шагнувшего в заманчивую остролюбопытную область жизни взрослых людей: «Дмитрий Михайлович!..» О, тогда и он докажет же ей, что он взрослый человек: он женится на ней.

— Дмитрий Михайлович, зачем вы целуете мою руку! Это нехорошо.

— О, не отталкивайте меня, Евгения (это вместо Женечки-то!) Петровна.

Однако всё это в будущем. А пока Додя — шестой год, и никто, кроме матери и отца, не знает, как его зовут на самом деле: Даниил ли, Дмитрий ли или просто Василий (бывают и такие уменьшительные у нежных родителей).

* * *

Характер Доди едва-едва начинает намечаться. Но грани этого характера выступают довольно резко: он любит всё приятное и с гадливостью, омерзением относится ко всему неприятному; в восторге от всего сладкого, ненавидит горькое; любит всякий шум, чем бы и кем бы он ни был произведён; боится тишины, инстинктивно, вероятно, чувствуя в ней начало смерти... С восторгом измазывается грязью и пылью с головы до ног; с ужасом приступает к умыванию; очень возмущается, когда его наказывают, но и противоположное ощущение — ласки близких ему людей — вызывает в нём отвращение.

Однажды в гостях у Додиных родителей сидели двое: красивая молодая дама Нина Борисовна и молодой человек Сергей Митрофанович, не спускавший с дамы застывшего в полном восторге взора. И было так: молодой человек, установив прочно и надолго свои глаза на лице дамы, машинально взял земляничную соломку и стал рассеянно откусывать кусок за куском, а дама, заметив вертевшегося тут же Додю, схватила его в объятия и, тиская мальчишку, осыпала его целым градом бурных поцелуев.

Додя отбивался от этих ласк с энергией утопающего матроса, борющегося с волнами, извивался в нежных тёплых руках, толкал даму в высокую пышную грудь и кричал с интонациями дорезываемого человека:

— Пусс... ти, дура! Ос... ставь, дура!

Ему страшно хотелось освободиться от «дуры» и направить всё своё завистливое внимание на то, как рассеянный молодой человек поглощает земляничную соломку. И Доде страшно хотелось быть на месте этого молодого человека, а молодому человеку ещё больше хотелось быть на месте Доди. И один, отбиваясь от нежных объятий, а другой, печально похрустывая земляничной соломкой, с бешеной завистью поглядывали друг на друга.

Так слепо и нелепо распределяет природа дары свои.

Однако справедливость требует отметить, что молодой человек в конце концов добился от Нины Борисовны таких же ласк, которые получил и Додя. Только молодой человек вёл себя совершенно иначе: не отбивался, не кричал: «Оставь, дура», а тихо, безропотно, с оттенком даже одобрения покорился своей вековой мужской участи...

Кроме перечисленных Додиных черт, в характере его есть ещё одна черта: он — страшный приобретатель. Черта эта тайная, он не высказывает её. Но увидев, например, какой-нибудь красивый дом, шепчет себе под нос: «Хочу, чтобы дом был мой». Лошадь ли он увидит, первый ли снежок, выпавший на дворе, или приглянувшегося ему городского, Додя, шмыгнув носом, сейчас же прошепчет: «Хочу, чтобы лошадь была моя; чтобы снег был мой; чтобы городской был мой».

Рыночная стоимость желаемого предмета не имеет значения. Однажды, когда Додина мать сказала отцу: «А знаешь, доктор нашёл у Марины Кондратьевны камни в печени», — Додя сейчас же прошептал себе под нос: «Хочу, чтобы у меня были камни в печени».

Славный, бескорыстный ребенок.

* * *

Когда мама, поглаживая шелковистый Додин затылок, сообщила ему:

— Завтра у нас будут блины... — Додя не преминул подумать: «Хочу, чтобы блины были мои», — и спросил вслух:

— А что такое блины?

— Дурачок! Разве ты не помнишь, как у нас были блины в прошлом году?

Глупая мать не могла понять, что для пятилетнего ребенка протекший год — это что-то такое громадное, монументальное, что как Монблан заслоняет от его глаз предыдущие четыре года. И с годами эти монбланы всё уменьшаются в росте, делаются пригорками, которые не могут заслонить от зорких глаз зрелого человека его богатого прошлого, ниже, ниже делаются пригорки, пока не останется один только пригорок, увенчанный каменной плитой да покосившимся крестом.

Год жизни наглухо заслонил от Доди прошлогодние блины. Что такое блины? Едят их? Можно ли на них кататься? Может, это народ такой — блины? Ничего в конце концов неизвестно.

Когда кухарка Марья ставила с вечера опару, Додя смотрел на неё с почтительным удивлением и даже, боясь втайне, чтобы всемогущая кухарка не раздумала почему-нибудь делать блины, искательно почистил ручонкой край её черной кофты, вымазанной мукой.

Этого показалось ему мало.

— Я люблю тебя, Марья, — признался он дрожащим голосом.

— Ну, ну. Ишь какой ладный мальчущечка.

— Очень люблю. Хочешь, я для тебя у папы папиросок украду?

Марья дипломатично промолчала, чтобы не быть замешанной в назревающей уголовщине, а Додя вихрем помчался в кабинет и сейчас же принёс пять папиросок. Положил на край плиты. И снова дипломатичная Марья сделала вид, что не заметила награбленного добра. Только сказала ласково:

— А теперь иди, Додик, в детскую. Жарко тут, братик.

— А блины-то... будут?

— А для чего же опару ставлю!

— Ну, то-то.

Уходя, подкрепил на всякий случай:

— Ты красивая, Марья.

* * *

Положив подбородок на край стола, Додя надолго застыл в немом восхищении...

Какие красивые тарелки! Какая чудесная чёрная икра... Что за поражающая селёдка, убранная зелёным луком, свёклой, маслинами. Какая красота — эти плотные, слежавшиеся сардинки. А в развалившуюся на большой тарелке неизвестную нежно-розовую рыбу Додя даже ткнул пальцем, спрятав моментально этот палец в рот с деланно-рассеянным видом. («Гм!.. Солёное».)

А впереди ещё блины — это таинственное, странное блюдо, ради которого собираются гости, делается столько приготовлений, вызывается столько хлопот.

«Посмотрим, посмотрим, — думает Додя, бродя вокруг стола. — Что это там у них за блины такие...»

Собираются гости...

Сегодня Додя первый раз посажен за стол вместе с большими, и поэтому у него широкое поле для наблюдений.

Сбивает его с толку поведение гостей.

— Анна Петровна — сёмги! — настойчиво говорит мама.

— Ах, что вы, душечка, — ахает Анна Петровна. — Это много! Половину этого куска. Ах, нет, я не съем!

«Дура», — решает Додя.

— Спиридон Иваныч! Рюмочку наливки. Сладенькой, а?

— Нет, уж я лучше горькой рюмочку выпью. «Дурак!» — удивляется про себя Додя.

— Семён Афанасьич! Вы, право, ничего не кушаете!.. «Врёшь, — усмехается Додя. — Он ел больше всех. Я видел».

— Сардинки? Спасибо, Спиридон Иваныч. Я их не ем. «Сумасшедшая какая-то, — вздыхает Додя. — Хочу, чтоб сардинки были мои...»

Марина Кондратьевна, та самая, у которой камни в печени, берёт на кончик ножа микроскопический кусочек икры.

«Ишь ты, — думает Додя. — Наверное, боится побольше-то взять: мама так по рукам и хлопнет за это. Или просто задаётся, что камни в печени. Рохля».

Подают знаменитые долгожданные блины.

Все со зверским выражением лица набрасываются на них. Набрасывается и Додя. Но тотчас же опускает голову в тарелку и, купая локон тёмных волос в жидком масле, горько плачет.

— Додик, милый, что ты? Кто тебя обидел?..

— Бли... ны...

— Ну? Что блины? Чем они тебе не нравятся?

— Такие... круглые...

— Господи... Так что же из этого? Обрежу тебе их по краям — будут четырёхугольные...

— И со сметаной...

— Так можно без сметаны, чудачина ты!

— Так они тестяные!

— А ты какие бы хотел? Бумажные, что ли?

— И... не сладкие.

— Хочешь, я тебе сахаром посыплю?

Тихий плач переходит в рыдание. Как они не хотят понять, эти тупоголовые дураки, что Додя блины просто не нравятся, что Додя разочаровался в блинах, как разочаровывается взрослый человек в жизни! И никаким сахаром его не успокоить. Плачет Додя.

Боже! Как это всё красиво, чудесно началось — всё, начиная от опары и вкусного блинного чада, — и как всё это пошло, обыденно кончилось: Додю выслали из-за стола.

* * *

Гости разошлись.

Измученный слезами, Додя прикорнул на маленьком диванчике. Отыскав его, мать берёт на руки отяжелевшее от дремоты тельце и ласково шепчет:

— Ну ты... блиноед африканский... Наплакался?

И тут же, обращаясь к отцу, перебрасывает свои мысли в другую плоскость:

— А знаешь, говорят, Антоновский получил от Мразича оскорбление действием.

И, подымая отяжелевшие веки, с усилием шепчет обуреваемый приобретательским инстинктом Додя:

— Хочу, чтобы мне было оскорбление действием.

Тихо мерцает в детской красная лампадка. И ещё слегка пахнет всепроникающим блинным чадом...

1915

Булат Окуджава

(1924 – 1997)

О кузнечиках

Два кузнечика зелёных в траве, насупившись, сидят.

Над ними синие туманы во все стороны летят.

Под ними красные цветочки и золотые лопухи...

Два кузнечика зелёных пишут белые стихи.

Они пёрышки макают в облака и молоко,
чтобы белые их строчки было видно далеко,
и в затылках дружно чешут, каждый лапкой шевелит,
но заглядывать в работу один другому не велит.

К ним бежит букашка Божья, бедной барышней бежит,
но у них к любви и ласкам что-то сердце не лежит.
К ним и прочие соблазны подбираются, тихи,
но кузнечики не видят – пишут белые стихи.

Снег их бьёт, жара их мучит, мелкий дождичек кропит,
шар земной на повороте отвратительно скрипит...
Но меж летом и зимою, между счастьем и бедой
прорастает неизменно вещей смысл работы той.

И сквозь всякие обиды пробиваются в века
хлеб (поэма),
жизнь (поэма),
ветка тополя (строка)...

1960